

Орис Вейн

Наследники Зари. Книга первая: Стеклянный глобус

18+

Орис Вейн

**Наследники Зари. Книга
первая: Стекланный глобус**

«Автор»

2026

Вейн О.

Наследники Зари. Книга первая: Стекланный глобус / О. Вейн — «Автор», 2026

Для тех, кто знает: самое страшное чудовище — не в лесу. Оно рядом. И улыбается. Егор Заречный — обычный парень. Работа, ипотека, девушка, которую он любит больше жизни. Он не знает, что русские сказки — не выдумка. Это хроники. И что его бабушка, учительница истории из Твери, семьдесят лет хранила осколок умирающей магии. Магия не исчезла. Она угасает. А древние Рода — русские и чужие — ведут войну за семь осколков, которые могут её вернуть. Победитель получит всё. Проигравшие исчезнут. Как род. Как память. Как будто их никогда не было. У Егора есть два ключа, девушка, которая оказывается Хранительницей, и троюродный брат Влад — единственный родственник, союзник и кому можно верить. Или нет. Потому что Влад смотрит на Алису слишком долго. Говорит слишком тихо. Улыбается слишком ласково. И каждый раз, когда Егор уходит на войну, Влад остаётся рядом с ней. История о любви, которая держит мир. О предательстве, которое ломает кости. И о магии, которая требует платы. Всегда.

© Вейн О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Последняя сказка.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Орис Вейн

Наследники Зари. Книга первая: Стекланный глобус

Пролог: Последняя сказка.

Петроград. Декабрь 1916 года.

Снег шёл третий день подряд, и город тонул в нём, как в белой вате. Трамваи стояли — рельсы замело. Извозчики не выезжали — лошади скользили. Люди шли пешком, втянув головы в воротники, и в этом белом безмолвии не было слышно ни выстрелов, ни криков, ни даже привычного петроградского гомона.

Только тишина. Такая густая, что закладывало уши.

Нина Заречная стояла на коленях в сугробе, и ей было двенадцать лет.

Она держала на руках мать.

Мать была ещё тёплой. Это Нина запомнила на всю жизнь — не кровь, не запах гари, не три обутленных тела в чёрных плащах, которые лежали на снегу в десяти шагах от неё, а именно это: мать была ещё тёплой. Как будто просто спала. Как будто сейчас откроет глаза и скажет своим низким, спокойным голосом: «Ниночка, не реви. Слёзы на морозе замерзают, знаешь, как больно?»

Мать не открывала глаз.

Кровь стекала с её губ на снег — медленно, густо, капля за каплей. Красное на белом. Как ягоды, просыпанные на скатерть. Нина смотрела на эти капли и думала почему-то не о смерти, а о том, как бабушка в Твери варила варенье и всегда говорила: «Не рассыпай, Ниночка, ягоды — это кровь земли».

— Мама, — прошептала она. — Мама, вставай.

Снег падал матери на лицо. Нина смахивала его рукавом, но он падал снова — упрямо, бесконечно.

— Мама. Пожалуйста. Ну пожалуйста.

Мать открыла глаза.

В них не было боли. Нина ждала боли — она видела, как меч фон Штерна вошёл матери под ребро, видела, как она упала, видела, как кровь хлынула на шубу. Но в глазах матери не было боли. Только странное, почти неуместное спокойствие. Как у человека, который наконец-то доделал дело, которое тянул двадцать лет.

— Нина, — сказала мать. Голос был хриплый, но ровный. — Слушай. Слушай внимательно, потому что я скажу это только один раз.

— Я вызову врача...

— Врача? — Мать усмехнулась, и на губах выступила свежая кровь. — Милая моя. Меня убил не грипп. Меня убил Отто фон Штерн. Он придёт за тобой. Сегодня. Завтра. Неважно. Он придёт.

Нина заплакала. Слёзы выкатились из глаз и тут же застыли на щеках — ледяные бусины.

— Я не хочу.

— Ты не можешь не хотеть.

— Я не хочу!

— Нина. — Мать подняла руку. Пальцы были холодными, почти как снег вокруг. Она коснулась щеки дочери. — Посмотри на меня.

Нина посмотрела. Она никогда не забудет это лицо. Не бледное, не мёртвое — спокойное. Любящее.

— Ты — Заречная, — сказала мать. — Мы — не просто род. Мы — те, кто держит свет. Понимаешь? Мы не умеем колдовать, как в сказках. Мы не летаем на метле и не превращаем людей в лягушек. Мы делаем другое. Мы держим.

— Что держим?

— Зарю. — Мать вытащила из-под шубы свёрток. Тёмная ткань, а внутри — тяжесть. — Смотри.

Она развернула.

В её ладонях лежал шар. Стекланный. Идеально круглый. Внутри клубился туман — не дым, не вода. Живой. Пульсирующий. Как сердце.

Нине показалось, что шар смотрит на неё.

— Это Заря, — сказала мать. — Не вся. Осколок. Ключ. Таких семь. Если собрать все семь — магия вернётся в мир. Если соберёт фон Штерн — он вернёт её под себя. Под свою руку. И тогда всё, что мы защищали, сторит.

— Мама...

— Возьми.

— Я не хочу!

— Возьми.

Нина взяла. Шар был тёплый. Тёплый, как ладонь матери минуту назад. Она сжала его в кулаке.

— Спрячь, — сказала мать. — Никому не говори. Ни бабушке, ни деду, ни мужу, ни сыну. Особенно сыну. Пока не придёт время.

— Какое время?

— Ты узнаешь. — Мать закрыла глаза. — Он придёт.

— Кто?

— Тот, кто сможет. — Голос становился тише. — Из нашей крови. Он будет слабый. Такой, как ты сейчас. Испуганный. Обычный. Но он будет... — она запнулась, — ...достоин.

— Как я узнаю?

— Ты не узнаешь. Ты просто будешь ждать. Ждать — это самое трудное, Ниночка. Ждать и не сойти с ума.

— Мама, не уходи.

— Я не уйду. — Мать улыбнулась. Последний раз. — Я просто... устала.

И закрыла глаза.

Нина сидела в снегу всю ночь.

Снег засыпал мать. Засыпал тела в чёрных плащах. Засыпал город. Никто не пришёл. Никто не искал. Была зима 1916 года, и в Петрограде каждую ночь умирали люди — от голода, от пуль, от холода, — и никому не было дела до девочки с мёртвой матерью на руках.

К утру шар в её кулаке стал горячим. Он жёг ладонь, как уголёк. Нина разжала пальцы — туман внутри клубился, но не выходил, не рвался наружу. Он просто ждал. Как и она.

Она встала. Руки не слушались. Ноги не слушались. Она выкопала могилу — не могилу, яму, — в мёрзлой земле, руками, замёрзшими до синевы. Это заняло четыре часа. Она не помнила, как это делала. Помнила только, что когда-то мать говорила: «Мёртвых нельзя оставлять на снегу. Снег — это вода. Вода — это память. Мы не отдаём память ветру».

Она похоронила мать. Прочитала «Отче наш», которую помнила смутно, с ошибками. Потом села рядом на снег и сказала:

— Я справлюсь. Слышишь? Я справлюсь.

Никто не ответил.

Нина встала. Положила шар за пазуху. И пошла.

Она не вернулась домой.

Дом на Мытнинской, где они жили последние два года, был сожжён в ту же ночь. Нина узнала об этом на следующий день — от соседки, которая плакала и гладила её по голове и говорила: «Бедная девочка, бедная, куда ты теперь». Нина молчала. Она знала куда. Она не знала куда.

Она добралась до Твери — четыре дня на товарняках, три ночи на вокзалах. Там её встретила бабушка — старая, седая, с руками в муке (пекла хлеб). Бабушка обняла её и заплакала.

— Ниночка. А где мама?

— Умерла, — сказала Нина.

Это было правдой. Не всей. Но правдой.

Бабушка долго плакала. Потом утёрла слёзы, отвела Нину в комнату, дала чаю с молоком, уложила спать. Нина лежала с открытыми глазами и слушала, как шар за пазухой пульсирует в такт её сердцу.

Она выросла в Твери.

Она никому не рассказала о шаре. Ни бабушке. Ни дедушке — тот умер в 1919-м от тифа. Ни соседям. Ни подругам. Она научилась молчать так, как умеют молчать только дети, которые слишком рано узнали, что слова убивают.

Она вышла замуж в 1932 году. За простого человека — учителя математики по имени Андрей. Не мага. Не героя. Не того, кто мог бы встать рядом с ней в бою. Просто доброго человека с тёплыми руками, который любил её тихо и не задавал вопросов, когда она иногда замолкала посреди фразы и смотрела в стену.

Он не знал.

Она родила сына в 1936 году. Назвала Михаилом. Он был похож на отца — тот же мягкий взгляд, те же тёплые руки. Нина смотрела на него и думала: «Может быть, он. Может быть, он сможет».

А потом началась война.

Михаил ушёл на фронт в 1941-м, восемнадцатилетним. Нина не плакала, когда провожала. Она держала шар в кармане и шептала: «Верни его. Если ты что-то можешь, верни его». Шар молчал.

Михаил вернулся в 1945-м. Живой. С раной в боку и хромотой. Вернулся. И Нина подумала: «Значит, шар слышит».

А потом Михаил женился. На красивой московской девушке по имени Ольга. И в 1988 году у них родился сын — Егор. Внук.

Нина взяла его на руки — маленького, красного, орущего — и почувствовала, как шар в кармане дрогнул. Впервые за семьдесят лет. Дрогнул, как будто узнал.

— Он, — прошептала Нина. — Он.

И заплакала.

Она не отдала ему шар, когда он был маленьким. Не отдала, когда он пошёл в школу. Не отдала, когда умерли его родители — в аварии, в 1997-м, — и Егор переехал к ней, в Тверь, девятилетним мальчиком с сухими глазами.

Он не плакал на похоронах. Нина это запомнила. Он стоял рядом с ней, сжимал её руку и не плакал. А ночью она слышала, как он плачет в подушку — тихо, чтобы она не слышала.

Она стояла за дверью и тоже плакала. И держала шар в кармане.

— Скажи мне, — прошептала она. — Скажи мне, что делать.

Шар молчал.

Она растила его одна. Учила читать, писать, думать. Рассказывала сказки — про Ивана-царевича, про Серого Волка, про Жар-птицу. И каждый раз, когда рассказывала, шар в кармане теплел. Как будто подтверждал: это правда. Всё это — правда.

— Бабушка, — спросил однажды Егор, когда ему было одиннадцать. — А сказки правда были?

Она посмотрела на него. Долго.

— Правда, — сказала она. — Только не так, как ты думаешь.

— А как?

— Вырастешь — поймёшь.

Он вырос. И не понял.

Нина Петровна умерла 21 сентября.

Она знала, что умрёт. Знала уже месяц — сердце шалило, доктор качал головой, но она не поехала в больницу. Она хотела умереть в этом доме. В этом городе. Рядом с шаром.

За три дня до смерти она поднялась на чердак. Поднялась с трудом — ноги не слушались, лестница скрипела. Она достала шар из тайника — под половицей, за печной трубой. Положила его в старый сундук. Накрыла тряпьем.

Она знала, что он придёт. Не сразу. Но придёт.

Егор приехал через день после похорон. С Алисой. С девочкой, которую Нина видела один раз — на фотографии, которую он показывал в телефоне. Рыжая. Смелая. Глаза как янтарь.

— Хорошая, — сказала тогда Нина. — Хранительница.

— Что? — не понял Егор.

— Ничего. Старая я. Говорю что попало.

Она знала. С самого начала знала. Алиса была Хранительницей. Такие рождаются раз в сто лет. Тихие. Верные. С руками, которые умеют держать — не вещи, а людей. Не предметы — душу.

Они пришли вместе. Как надо. Как правильно.

Нина Петровна умерла утром, во сне. Перед этим ей приснилась мать — молодая, в белой шубе, с шаром в руках.

— Ты справилась, — сказала мать. — Молодец, дочка.

— Я боялась, — ответила Нина.

— Все бояться. Но ты держала. Семьдесят лет держала. Теперь можно отдохнуть.

Нина проснулась. Посмотрела в окно — там шёл снег. Такой же, как тогда, в 1916-м. Красное на белом.

Она улыбнулась. И закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.